

гия и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 2 (40). Ч. 1. Тамбов, 2014. С. 161 – 164.

4. Тагрин Н.С. Мир в открытке. М., 1978.

5. Чепурнова Е.И. Улица Дворянская. Формирование и развитие делового центра Самары// Самарский земский сборник. №1 (26). Самара, 2016.С. 59-63.

Д.О. Русин

Московский государственный университет

«ГОЛОС РОССИИ ДОЛЖЕН БЫТЬ УСЛЫШАН»: КРИТСКИЙ ВОПРОС В ПЕРЕПИСКЕ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ И НИКОЛАЯ II

Восточный вопрос являлся одним из главных направлений внешней политики Российской империи в XIX веке, который был связан, прежде всего, с обеспечением выгодного режима Черноморских проливов (Босфора и Дарданелл). Не последнюю роль для России играла и судьба христианских народов Балкан, все более активно выступавших против господства Османской империи. Одним из таких очагов национально освободительного движения был Крит, который, располагаясь между тремя частями света, имел важное стратегическое и политическое значение [1, с. 7].

Христианское население острова дискриминировалось, проводилась политика натравливания мусульманского меньшинства на православное большинство, а преобразования, предусмотренные Берлинским трактатом 1878 года, саботировались османскими властями [1, с.15; 2, с.108]. Затягивание преобразований в итоге привело к восстанию на Крите в январе 1897 года, а Греция, в свою очередь, высадила на острове десант. Несмотря на вмешательство великих держав, потребовавших от Греции вывода войск, а от султана – предоставления автономии Криту, в апреле вспыхнула греко-турецкая война.

Согласно Основным законам Российской империи, «Государь Император есть верховный руководитель всех внешних сношений Российского Государства с иностранными державами. Им же определяется направление международной политики Российского Государства» [3, с.457]. Соответственно, в конце XIX века ключевую роль в принятии внешнеполитических решений в России играл Николай II. В его переписке с матерью, Марией Федоровной, критскому вопросу уделяется особое внимание (нюанс заключается в том, что вдовствующая императрица являлась сестрой греческого короля Георга I). На ее основе можно проследить логику принятия решений Николаем II и понять, насколько этот процесс корректировался Марией Федоровной. Иными словами, можно ответить на вопрос, имела ли она то влияние на своего сына, которое ей приписывалось многими современниками (в частности, государственным секретарем А.А. Половцовым [4, с. 174] и сановником А.А. Бобринским [5, с. 129]).

Анализ переписки показывает, что Николай II объективно смотрел на положение дел и не шел на поводу у матери, которая, напротив, эмоционально оценивала критский вопрос, что, вероятно, обуславливается ее личным родством с греческим королем. Император всецело выступал за мирное решение конфликта. И это неудивительно: в конце XIX века все внимание России было сосредоточено на Дальнем Востоке, поэтому правительство было заинтересовано в поддержании мира и спокойствия на Ближнем Востоке [6, с.120]. 28 марта 1897 года, за несколько дней до начала греко-турецкой войны, император писал Марии Федоровне: «Надо надеяться, что ни Греция, ни Турция не начнут военных действий после извещения всех держав о том, что «агрессор понесет всю ответственность и последствия». При таких условиях не всякий захочет лезть драться! И потом спрашивается, из-за чего же им воевать? Они же хотели отнять Крит у турок без объявления войны, а теперь сами первые же кричат о войне! Нет, милая мама, эти греки – испорченный дрянной народ, гордости непомерной» [7, л. 267]. Из этого эмоционального письма видно, что император выступает против военных действий между Грецией и Османской империей, к тому же критикуя греков за излишнюю воинственность.

Однако 18 апреля война разразилась. Турецкая армия, вооруженная германской артиллерией и имевшая германских инструкторов, за месяц разгромила греков. Греческая королева Ольга Константиновна умоляла своего племянника Николая II «ускорить посредничество для прекращения безумного кровопролития» [1, с. 27]. Об этом же просила и мать российского императора: «Дядя Вилли (Георг I – Д.Р.) мне телеграфировал, умоляет поскорее заключить мир. Так как турки продолжают посылать войска, он боится, что они возобновят военные действия, когда 15 дней перемирия пройдут. Ради Бога, будь сильным, голос России должен быть услышан ... Надо настоять, чтобы войска турок немедленно покинули греческую территорию» [8, л. 421]. В словах Марии Федоровны, в отличие от Николая II, прослеживается симпатия к грекам и стремление смягчить последствия их поражения. Однако следующее письмо демонстрирует, что император не прислушался к своей матери: «Мне очень грустно, что Россия приняла 6-ю статью по требованию Турции и Германии ... турецкие войска останутся, поэтому, навсегда, по крайней мере, в течение неограниченного времени в Лариссе и Воло!» [8, л. 433]

В письме от 12 сентября Мария Федоровна выразила недовольство условиями прелиминарного мирного договора на основе довоенного статуса-кво с незначительным исправлением границы в Фессалии и выплатой Турции умеренного вознаграждения: «Мир, скорее предварительный, был наконец подписан, но с такими условиями, что просто ужас, и по мне невозможный для Греции, чтобы принять их» [8, л. 428]. Императрица излишне драматизирует: стоит отметить, что в мае султан Абдул-Хамид требовал отказа каких бы то ни было претензий Греции на Крит, передачи ему Фессалии и уплаты большой контрибуции. Только благодаря личному обраще-

нию Николая Пк турецкому султану, чтобы тот умерил свои претензии [2, с. 109]. По условиям же Константинопольского мира 4 декабря 1897 года Крит стал автономией, а в 1898 году на остров в качестве верховного комиссара был назначен сын греческого короля принц Георг. Его кандидатура была предложена Николаем II, что во многом было обусловлено личным обязательством: Георг спас наследника русского престола от нападения на него японского фанатика во время их визита в Японию в 1891 году [1, с. 29].

Исследователи сходятся во мнении, что политика русской дипломатии была вполне реалистичной и отвечала интересам критян [1, с. 29, 6, с. 128]. Во многом это заслуга Николая II, который не прислушался к эмоциональным требованиям матери о немедленном выводе турецких войск, что могло бы привести к эскалации конфликта.

Библиографический список

1. Соколовская О.В. Россия на Крите. Из истории первой миротворческой операции XX века. М., 2006.
2. Игнатъев А.В. История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997.
3. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание третье. Том XXV. 1905. Отделение I. № 27805.
4. Из дневника А.А. Половцова // Красный архив. М., 1934. Т. 67.
5. Дневник А.А. Бобринского // Красный архив. М.-Л., 1928. Т. 26.
6. Меньшиков В.П. Российская дипломатия и автономия Крита 1898 г. // Балканские исследования. Вып. 12.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 642. Оп. 1. Д. 2324
8. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1295

А.С. Парахин

Самарский национальный исследовательский университет

ПАРТИЯ И ФРАКЦИЯ «СОЮЗ 17 ОКТЯБРЯ» В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ IV СОЗЫВА

Союз 17 октября – депутатское консервативно-либеральное объединение. С самого начала работы IV ГД, где число членов фракции было 80 человек, а в феврале 1913 года численность депутатов возросла до 100 человек [1, с.580].

В 1912 году октябристы начали проводить политику левения, которая заключалась в том, чтобы первоочередными были реформы: сената и административной юстиции, законопроектов о неприкосновенности личности, волостном земстве, улучшении земско-городских финансов, вероисповед-